

Л.Е.Яковлева
(Россия)

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСПАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА.

Проблема национальной идентичности до 70-х годов XX века стояла в центре не только исторических, литературных, но и философских исследований испанской культуры. Именно благодаря таким испанским философам, как Х. Ортега-и-Гассет, Хосе Гаос, Хосе Луис Абельян, в методологический инструментарий мировой философии вошел культурологический метод историко-философских исследований.

Целью исследования истории философии в культурологической форме являлось преодоление недостатков, присущих классической теории истории философии. Характерными чертами этой теории были логоцентризм (акцент на логике формирования философских идей), европоцентризм (философия как уникальное порождение Запада), линейность историко-философского процесса. Хотя отдельные историки философии пытались раскрыть национальную обусловленность философского знания, но подобные исследования не носили систематического и доминирующего характера. Кроме того, сама проблема национальной идентичности рассматривалась чаще всего в контексте психологии и этнографических исследований.

В испанской философии проблема национальной идентичности приобрела особую остроту по ряду причин. Во-первых, этому способствовал пограничный характер испанской культуры, обусловленный географическим положением Испании. Она явилась форпостом Запада на Востоке, пространством диалога не только Запада и Востока, но и Севера и Юга. «Географически ... мы одновременно Атлантика и Средиземноморье, Европа и Африка, Старый и Новый Свет, полуостров и острова, единая и разная Европа. Исторически наша Родина также сложна и двулика: она, словно «шкура быка», за которую боролись иберы и кельты, финикийцы и греки, Карфаген и Рим, вандалы и аланы, свевы и вестготы, христианство и ислам (оба пережившие раскол). Став государством и великой державой, Испания уже Америкой предстала перед Европой. Всегда или почти всегда было две Испании» [13; 16].

Во-вторых, испанская культура носит синтетический характер, в котором слились иберийские, арабоязычные традиции, влияние римской культуры. Длительный период времени в Испании соперничали три религии – христианство, ислам и иудаизм, что придало своеобразный характер испанскому католицизму. Противоречивость религиозного испанского духа, порожденная борьбой двух тенденций – мистицизма как созерцательного познания божественной реальности в вещах (жизнь практическая при этом не рассматривается как высшее благо) и формализмом римской ортодоксии, направленной на социальное обустройство человека в действительном, а не воображаемом мире, обусловило противоречивость испанского характера. Противоречивость эта выступает как борьба между духовностью и сладострастием, воодушевленностью и скептицизмом, реальным и романтическим. В философии эта черта национального характера проявилась в стремлении к поиску гармонии между мистическим спиритуализмом и материалистическим сенсуализмом, между философией, наукой и религией.

В-третьих, именно Испания уже в XV веке сформировалась как первое национальное государство Европы, в состав которого вошли такие различные этносы, как баски, галисийцы и каталонцы, сохранившие до наших дней свой язык и свои обычаи. Именно в этот период времени «испанцы осознали себя как национальное сообщество, со своим собственным содержанием, полностью отличным не только от других национальных

сообществ, но и от тех сообществ, которые населяли ее территорию в прошлом» [1; 10]. Испания стала, кроме того, первой империей в Европе. Ее миссия в Новом Свете виделась как евангелизация языческих народов Латинской Америки на основе испанского католицизма.

В XIX веке Испания все больше отстает в своем развитии от других стран Запада, что побуждает испанских мыслителей напряженно искать пути и средства обновления своей страны, анализировать причины упадка, оценивать место Испании в мире. Обо всем этом комплексе проблем очень емко и выразительно сказал Мигель де Унамуно: «У меня болит Испания». В 20–30-е годы XIX века основное внимание испанских мыслителей было уделено описанию черт национальной психологии (работы М. Ларры, Э. Кальдерона и др.). Описание различных типов и привычек испанского народа породило такое направление, как «костумбризм», который развивался как в литературе, так и в философии. В литературе «костумбризм» нашел выражение в новелле XIX века с присущими этому жанру натурализмом и реализмом. В философском плане «костумбризм» был продуктом европейского романтизма с его поиском народных корней, попыткой определить «дух народа».

Со второй половины XIX века под влиянием позитивизма начинается научное изучение истории испанской цивилизации в работах Р. Альтамира, Менендеса Пelayo. В качестве антитезы позитивистскому подходу поколение 98 года (А. Мачадо, П. Бароха, А. Ганивет, Мигель де Унамуно и др.) развивает эстетический метод описания испанской реальности, выявляя ее своеобразные черты. Символом испанского образа жизни и представителей этого поколения выступает Дон-Кихот. Вера против разума (кихотизм) и героизм – вот черты испанского бытия, которые должны быть сохранены при продвижении страны к модернизации. Характеризуя испанского человека, Р. де Маэсту писал: «Испанец верит в абсолютные ценности или перестает верить совершенно. Для него поставлена дилемма Достоевского: или абсолютные ценности, или ничто» [9, 101]

Следующее поколение испанских интеллектуалов – Америко Кастро, Санчес Альборнос, Хосе Ортега-и-Гассет, Хулиан Марис, Лаин Энтральго ставили проблему испанского бытия в историко-философском плане. Названия работ этих философов ярко отражают направленность исследования: «Испания, историческая загадка»; «Испания как проблема»; «Что мы называем Испанией»; «Бесхребетная Испания»; «Испанцы в истории». Идеологом этого подхода был крупнейший испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, который отказывал философии в праве на существование, если она не основывается на национальной традиции, если она не выражает национальных обстоятельств своего бытия. Основой для такого видения историко-философского процесса явилась теория перспективизма Ортеги и его концепция «исторического разума».

Происходивший в 70-годы XX века процесс перехода от франкистской диктатуры к демократии вновь обострил интерес к национальной проблематике. Испания столкнулась со стремлением регионов к полной автономии по отношению к центру и даже с попытками Каталонии образовать самостоятельное государство. Поэтому в новой Конституции Испания определила себя как «национальное государство автономных национальностей». Вновь остро встал вопрос о национальной идентичности испанской культуры [5, 27]. Правда, часть современных испанских философов (Амандо де Мигель, Рафаэль Лопес Пинтор) подвергают критике традиционные концепции «испанского бытия», «испанского характера», обращаясь к конкретным социологическим, антропологическим и социально-психологическим исследованиям испанского общества в общем контексте европейской истории.

Вопрос о механизмах становления и временных рамках формирования испанской нации является предметом оживленных дискуссий и споров испанских историков, философов, культурологов, социологов. Спектр мнений в испанской литературе по этому

вопросу может быть представлен наиболее показательными концепциями ученика Х. Ортеги-и-Гассета Х. Мариаса и сторонника школы «Анналов» Х.А. Маравалла.

С точки зрения Х. Мариаса, процесс создания и становления испанской нации прошел три фазы: первой соответствовало образование к XVI веку в ходе Реконквисты абсолютной монархии как союза христианских королевств; вторая фаза охватывает эпоху испанской империи, когда испанская нация выходит на трансевропейский уровень; третья фаза связана с потерей последних заокеанских колониальных владений, необходимостью модернизации общества, вызвавших в Испании в 1898 году интенсивные поиски своей национальной идентичности. Испанский народ, рассматривается Х. Мариасом как уникальное явление в европейской истории: это «народ, который в течение веков стремится стать тем, кем он хочет быть», народ, реализующий проект «быть христианским народом, соблюдающим верность единой Церкви христиан» [8, 118]. Нация при этом понимается Х. Мариасом в контексте «философской социологии» Ортеги как историческая форма сосуществования гражданского общества и государства. Две составляющие испанского единства, породившие испанскую нацию, – это политика Кастилии по отношению к Африке и центру Европы и политика Арагона по отношению к Средиземноморью, составившие единство после заключения в 1469 году династического брака Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. В результате произошло усиление Кастилии в качестве главного фактора централизации испанского государства, которое привело, с одной стороны, к «кастилизации» вошедших в состав империи исторических провинций, с другой стороны, к «испанизации Кастилии». По образному выражению испанского историка А. Санчес-Альборноса, «Кастилья создала Испанию, а Испания разрушила Кастилию». Испанская нация рассматривается философом как одна из первых европейских наций.

По мнению Х.А. Маравалла, до конца XVIII века невозможно говорить о существовании нации как в Испании, так и в других странах. «Наций не было при феодализме или сеньориальном режиме; при господстве единственной партии и диктаторах их тоже нет или они находятся в латентном состоянии» [6, 10]. Для обозначения первоначального этапа процесса национальной интеграции испанский историк предлагает использовать термин «протонациональная общность». Как отмечает в своей статье «Испанское национальное государство и феномен национализма» И.Л. Прохоренко, «зарождающееся общеиспанское самосознание поначалу носило привычный средневековому образу мышления конфессиональный характер и лишь потом нашло устойчивое оформление в результате политического объединения» [9, 93]. С конца XVIII века и до 1917 года в Европе, по мнению Х.Л. Маравалла, преобладал абсолютистский тип нации, исходящий из проекта «одна нация – одно государство». Современные организации национального типа характеризуются плюрализмом, исходной формулой которого является «государство автономий» как компромиссная форма между унитарным государством и федерацией.

Специфика формирования испанской нации связана с тем, что пространством для ее формирования выступало не гражданское общество, а традиции. Базовый компонент испанской нации составило конфессиональное единство иберийцев, ощущавших себя единой общностью через противопоставление «христиане – мавры» в период Реконквисты, «католики – протестанты» в имперский период. С точки зрения крупнейшего испанского историка А. Кастро, в становлении испанской цивилизации приняли участие три различных компонента – христианский, мусульманский и иудейский, что определило самобытность Испании и ее кардинальное отличие от остальных государств Европы.

Многовековой контакт с мусульманским миром оказал амбивалентное воздействие на историческое развитие национального сознания испанцев. С одной стороны, он привел к взаимопроникновению в области искусства, архитектуры, литературы. В испанской культуре, как писала известная исследовательница испанской культуры И.А. Тергерян, нас привлекает прежде всего, «сопряжение резких и даже болезненных

контрастов, встреча Востока и Запада, грубая материальность и хрупкая духовность, гротеск и величие, рационалистическая сложность и фольклорная простота, то распадающаяся, то воссоединяющаяся в гении, имя которому Сервантес, Веласкес, Бойя, Ан. Мачадо, Пикассо, Гарсиа Лорка» [12, 10]. Такие символы национальной музыки Испании, как фламенко и канте хондо, родились в Андалузии, последней освободившейся от арабского владычества провинции. С другой стороны, столкновение с мусульманским миром породило этническую и религиозную нетерпимость, проявившуюся и в историческом факте изгнания на рубеже XV-XVI вв. евреев и морисков (мавров, принявших христианство) за пределы Испании, и в длительном периоде деятельности испанской Инквизиции. Иудейский элемент в свою очередь, оказал существенное влияние на испанскую форму христианского вероучения, получившую название «испанского католицизма».

Важную роль в формировании системы духовных ценностей испанского католицизма занимал принцип чести. В понятии «честь» выражалось единство «Церкви, Монархии, Благородства, связанных солидарностью борьбы по защите испанского строя от внешнего вторжения» [7, 65]. Принцип чести был связан со всей системой организации и передачи власти в испанском обществе, и в своей сакрализованной форме выступал мощным фактором интеграции индивида в жизнь социальной группы. Мораль чести, получившая широкое распространение в испанском обществе XVII–XVIII веков (и сохранившая свое влияние вплоть до конца XIX века), была моралью, основанной на социальной дисциплине группы, а не на свободном и внутреннем выборе системы ценностей и поведения. Защита мужественности входила в интегративную программу общества, соответствующего понятию «честь», так как блокировала возможность достижения власти женщиной за счет своих сексуальных ресурсов.

Иерархия и органическое единство – два принципа организации системы власти, соответствующие этой морали «честь». Скорее всего, именно наличие этого принципа в системе ценностей испанского общества позволило И. Канту в «Антропологии» отметить в качестве характерной черты поведения испанцев в обществе и в частной жизни «особой торжественности; даже крестьянин, проникнут сознанием собственного достоинства по отношению к начальству, которому он и по закону повинует. Испанская grandezza и велеречивость даже в их обычном разговоре свидетельствуют о благородной национальной гордости» [3, 568].

Обрисовав историю постановки проблемы национальной идентичности в испанской философии XX века, мы попытаемся теперь на основе конкретных решений этой проблемы испанскими авторами реконструировать испанскую философскую традицию. Так как именно она в сущностной форме выражает своеобразие испанской культуры. Испанская философская традиция выступает высшим уровнем национального самосознания народа. Она оформляется сравнительно поздно вместе с формированием философского языка в работах Мигеля де Унамуно и Х. Ортеги-и-Гассета, но синтезирует в себе историю своего народа, систему и иерархию ценностей, тип религиозной ментальности, преемственность идей и верований, присущих испанской культуре.

Если в целом охарактеризовать испанскую философскую культуру, то следует отметить в первую очередь ее персоналистский характер. Персонализм испанской культуры определяет и то, что доминирующей формой выражения философских идей национального самосознания являлось искусство во всем его многообразии от литературы до живописи. Не случайно Х. Ортега-и-Гассет рассматривал метафору как один из инструментов философствования, наиболее адекватный онтологической, драматической структуре жизни. Живое восприятие, ассоциативное мышление, метафора рассматриваются Ортегой как инструменты познания, равноправные с понятием. Метафизика может и должна быть теорией человеческой жизни.

Испанцам присуще особое понимание духовности. Если немецкий идеализм исходит из идеи духа, противопоставленного природе и всегда имманентного собственному Я, то для испанской философии дух есть нечто субстанциальное в самом себе, столь же субстанциальное, как физический космос или человеческое Я и обладающее изначальным правом на существование. Такое понимание духовности объясняет «вечный провиденциализм испанского народа, который, в конечном счете, есть не что иное, как специфический способ чувствовать трансцендентное» [4, 176]. Поэтому испанскому мышлению ближе не порожденное немецкой философией понятие субъекта, а понятие личности как опоры вечных ценностей. Политический либерализм, который, казалось, культивирует индивидуальность, не укоренился на испанской почве именно потому, что он отрицает иерархию личностных ценностей.

Характерная черта испанского мышления, из которой вытекают и на которой основываются все остальные, это «отвержение социального и экономического в пользу человеческого, восхваление «быть» перед «обладать» в согласии с критериями, по которым человек преобладает над вещами, душа или дух над идеями или понятиями и моральное сознание – над психологическим самооправданием» [2, 147]. Эта черта (философия как отрицание религии успеха) присуща всем кульминационным точкам испанской философии: эразмизму, антропологической и теолого-юридической доктрине колонизации Америки, многочисленным вариациям мифа о Христе, витализму М. Унамуну и Х. Ортеги, современной критике «общества благосостояния».

В Испании особую роль играет не академическая философия, а «живая философия» как результат ответственного вопрошания о смысле жизни и истины каждого человека. Все отрасли культуры в этих странах, такие как «социология, психология, история, включая историю искусства и литературы, даже медицина и естественные науки, несут на себе след этой философии в такой пропорции, которая не обнаруживается ни в каком другом месте. Специфическими чертами испанской философии являются преимущественный интерес к социально-этической проблематике, утверждение фундаментального единства философии и литературы, эклектическая установка на объединение науки, философии и религии, доминирование мифа и мистических форм познания. Испанскую философию отличает множественность идейных источников, поиск антропологического обоснования традиционных тем философии, которое ставит в центр философского исследования понятие индивидуальной человеческой жизни, спонтанных проявлений человеческого бытия. Не теоретизирующий субъект, а субъект, включенный в реальность жизни как драмы в онтологическом смысле – исходное начало испанских философских учений.

Проведенный анализ дает основания для определенного теоретического решения проблемы национальной идентичности. Прежде всего необходимо провести четкое различие между понятиями «национальная идентичность» и «этническая идентичность». В современных трактовках нации преобладающим является конструктивистский подход, который рассматривает нации как «символические общности» и даже предлагает исключить понятие «нация» из современных научных исследований [11, 94]. Основой такого подхода является отождествление национальной общности с этнической общностью. Преобладающая в современном социальном познании конструктивистская парадигма трактовки нации как «воображаемой политической общности» не учитывает того обстоятельства, что для существования национального сознания необходимо существование того, сознанием чего оно является. Не может существовать коллективной идентичности без памяти, какой бы избирательной она ни была, не может существовать коллективного проекта без исторического прошлого, какие бы очевидно ложные мифы его ни окружали. Государство может способствовать укреплению нации или лишить ее мифов, но оно не создает нацию. Оно инкорпорирует этнические и культурные особенности, но не творит их ex nihilo. Для трактовки нации более плодотворным является понятие гражданского общества, чем

государства. На самом деле нация является продуктом более позднего исторического развития, чем этносы. Для того чтобы разнообразные этнические группы соединились в нацию, необходим ряд условий: создание единого государства, общность экономической жизни, формирование гражданского общества, единый литературный язык, общая система образования, культура, история.

Современный мир настолько сложен, что существует многоуровневая идентификация каждого члена сообщества. Но национальная идентичность по-прежнему остается одним из важнейших измерений человеческой жизни, задающих ценностные ориентиры и составляющих основу многообразия культур. Глобализму современной цивилизации противостоят культурно-исторические миры, важным компонентом которых являются национальные традиции и их философская рефлексия.

Источники и литература

1. Abellan J.L. Los españoles vistos por si mismos. Md., 1977.
2. Abellan J.L. La historia critica del pensamiento español. Md. T.1. 1979.
3. Кант И. Соч. в 6-томах . М., 1982.
4. Lopez Ibor J.J. El español y su complejo de inferioridad. Md., 1975.
5. Manuel Gomes Garcia. La cultura y los pueblos de España . Md., 1980.
6. Maraval J.A. El concepto de España en la edad media. Md., 1981.
7. Maravall J.A. Poder, honor y elites en el siglo XVII. Md. , 1984.
8. Marias J. España intelligible . Md. , 1985.
9. Национализм: теория и практика. М., 1994.
10. Ramiro de Maeztu. Defensa de Hispanidad. Md., 1938.
11. Тихков В. Об идее нации// Общественные науки и современность. 1990, №4.
12. Франк Б. Сервантес., Осповат Л. Гарсия Лорка. М. ,1982.
13. Fraga Iribarne M. España en la encrucijada. Md., 1976.